

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

ЧЕСТНЕЙШИЙ УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Исполнилось 160 лет со дня рождения Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, классика русской литературы, которого М. Горький назвал «честнейшим учителем жизни».

Любимейшим писателем Владимира Ильича Ленина Щедрин стал еще в 90-е годы. Для Ленина великий сатирик — революционный демократ был соратником в борьбе за новый общественный строй в России. Ленин во многом способствовал тому, что яркие образы щедринской сатиры вошли в литературный и бытовой обиход народа.

Предлагаем вниманию читателей два отрывка из исследования известных советских литературоведов. Книга А. С. Бушмина «Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры» рассказывает о своеобразии реализма писателя, непревзойденного художника слова в области социально-политической сатиры. Книга А. М. Туркова «Салтыков-Щедрин» — это своеобразная научно-художественная биография писателя. Мы взяли из нее последний эпизод.

Алексей БУШМИН.

МОГУЧИЙ
СМЕХ

Смех — основное оружие сатиры. «Это оружие очень сильное, — говорил Щедрин, — ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угандан и что по поводу его уже раздался смех». Этим оружием боролись с социальными и нравственными пороками общества Фонвизин, Крылов, Грибоедов, Гоголь. Щедрин развивал их традицию. По его собственному признанию, юмор всегда составлял его главную силу.

Сторонники реакционного искусства выступали с теорией безобидного юмора — юмора, примиряющего социальные противоречия. В противоположность этому воззрению Щедрин развивал учение о «беспощадном остроумии», «относящемся к предмету во имя целого строя понятий и представлений, противоположных описываемым...». Именно такой беспощадный юмор, обличавший дворянско-буржуазное общество и вдохновлявший народные массы на освободительную борьбу, был главной силой сатирика. В творчестве Щедрина сатирическое направление русской литературы XIX века достигло высшей точки своего развития и оказало огромное революционизирующее воздействие на развитие общественной мысли.

Щедрин — самый яркий продолжатель гоголевской традиции сатирического смеха. Гоголь и Щедрин — два крупнейших юмористических дарования во всей русской литературе. Тот и другой обладали неистощимым остроумием в изобличении общественных пороков. И вместе с тем есть большая разница в художественном проявлении юмора у этих двух сатириков.

Белинский, характеризуя юмор Гоголя как юмор «спокойный, спокойный в самом своем негодовании, добродушный в самом своем лукавстве», в то же время говорил, что в творчестве бывает еще другой юмор, «грозный и открытый», «железный, ядовитый, беспощадный». Таков именно юмор Щедрина.

Герцен писал, что Гоголь «невольно примиряет смехом», его огромный комический талант берет верх над негодованием». В свою очередь и Чернышевский отмечал, что «сарказм Гоголя очень скромнен и ограничен». В отличие от этого у Щедрина ки-

пуще негодование господствует над комическим элементом, растворяющимся обычно в сарказме. Характеризуя смех Щедрина как горький и резкий, отмечая в нем «нечто свифтовское», Тургенев писал: «Я видел, как слушатели корчились от смеха при чтении некоторых очерков Салтыкова. Было что-то почти страшное в этом смехе, потому что публика, смеясь, в то же время чувствовала, как бич хлещет ее самое».

Если к гоголевскому юмору приложима формула «смех сквозь слезы», то более соответствующей щедринскому юмору будет формула: «смех сквозь презрение и негодование». Достаточно сравнить, с одной стороны, высшие достижения Гоголя — «Ревизор» и «Мертвые души» и с другой — «Историю одного города» и «Современную идиллию» Щедрина, чтобы почувствовать всю разницу между спокойным и добродушным юмором первого и желчным, негодующим, открыто презирающим юмором второго.

В характере щедринского юмора сказались, конечно, и особенности личной биографии, дарования и темперамента писателя, но прежде всего — новые общественные условия и новые идеи, верным представителем которых он был.

Издавательски высмеивая носителей социального зла, изображая их в смешном виде, сатирик возбуждал к ним в обществе чувство активной ненависти, воодушевлял народную массу на борьбу с ними, поднимал ее настроение и веру в свои силы, учил ее пониманию своей роли в жизни. По верному определению А. В. Луначарского, Щедрин — «мастер такого смеха, смеясь которым человек становится мудрым».

Андрей ТУРКОВ.

ЕЩЕ ОРУЖЬЕ
ЦЕЛО

Карл! Какая добрая весть! Замолчал, замолчал!

Можно подкашлат поближе, не опасаясь больше больно бьющего слова!

Как славно каркается на таких могилах!

«Та форма политической сатиры, которую создал покойный Салтыков в угоду «духу времени» и ценою расстраты своего крупного литературного дарования, едва ли возникнет вновь. Она отжила свой век и умерла естественной смертью еще при жизни своего творца...» («Русский вестник»).

Как обрадованно скрипят в лад вороньему крику сухие сучья, о которых когда-то писал Добролюбов! Ведь они еще одного врага пережили и кичливо думают, что не будет им износа!

«Он не принадлежал ни к какой партии, — надывается ворона, — а как писатель с довольно безотрадным и мрачным, но неопределенным мировоззрением предавался вообще глумлению и отрицанию... не нашел в народе и своей стране ничего лучшего, кроме глуповцев и идиотского города Глупова».

И, словно слыша ее, он лежит в гробу с ожесточенным и горьким выражением, как будто в голове у него слагается нервная, колючая, страстная отповедь:

— Кыш, подлая! Я всегда был мнителен. Я и теперь беспокоюсь: а вдруг ты поверишь ей, читатель?

Ведь, поди, надоел тебе старик своими бормотаниями из номера в номер. Докучал, как нянька, следом ходил: вот тут не оступись, вот этому не верь. А у меня, если вспомнить, в жизни никого ближе не было, чем ты.

Не пренебрегай же старым ворчуном. У меня был плохой характер, но верный глаз. Я далеко видел. И когда тебе будут нашептывать, что я устарел и пора мне дать почетную отставку, приглядись получше: не говорят ли это Молчалины и Угрюм-Бурчевы?

Неспроста торопятся некоторые господа сдать меня в архив! Николай I приказал живописцу Карлу Брюллову написать импозантный портрет фельдмаршала Паскевича, когда тот уже впадал в старческий маразм. Паскевич сидел перед художником с посоловевшими бессмысленными глазами, скривив рот и пускавая слюны на подбородок, а художник изображал на холсте бравого воюка с орлиным взором!

Когда же я брался за кисть, то в холеных лицах сквозь обманчивый румянец проступало то выражение, которое медики называют «маской Гиппократата»: оно свидетельствует о неминуемом наступлении смерти.

Недаром мой современник, физиолог Сеченов, поднимал за меня тост как за великого диагноста.

И я могу сказать о себе словами Гейне:

Я не сдаюсь! Еще оружие цело,

И только жизнь иссякла до конца.

Мое оружие тебе еще пригодится, читатель!

Не нужно мне от тебя ни пыльных памятник, ни юбилеев — я и при жизни их не жаловал.

Все равно мне, где мои портреты — на чердаке или в парадном зале, если книги мои пылятся и роятся в них только новые пенкосниматели.

Кто-то сказал: пусть нас меньше почитают, но больше читают!

Только об этом я и прошу.